

A rock band of five members is performing on a stage. The lead singer, a young man with curly hair, is in the foreground on the left, wearing a dark suit and playing a red electric guitar. Behind him is a bassist with long red hair. In the center, a drummer is seated behind a drum kit, with two other band members standing behind him. On the far right, another guitarist with long hair is playing a dark electric guitar. The stage is lit with vibrant blue and purple spotlights from above, creating a dramatic atmosphere. The name 'Алекс Мерли' is printed in white at the top, and 'По своим следам 7' is at the bottom.

Алекс Мерли

По своим следам 7

Алекс Мерли
По своим следам 7

«Автор»

2026

Мерли А.

По своим следам 7 / А. Мерли — «Автор», 2026

Что такое время? Это не стрелки на циферблате и не цифры на экране. Время – это тонкая, дрожащая нить между «ещё можно» и «уже нельзя». Это тот самый миг, когда в твоих руках есть сила повернуть штурвал. Исправить, догнать, обнять. Время – это тёплое дыхание, которым ты успеваешь выдохнуть «прости», и холодный камень вины не ложится на сердце. Время – это развилка дорог под ногами. Одна – гладкая и укатанная, другая – каменистая, уходящая в гору. И ты чувствуешь в себе силы пойти по второй, потому что знаешь: именно там, на вершине, тебя ждёт настоящий рассвет. Время – это решающий удар сердца. Тот самый, что отделяет победу от поражения, встречу от вечной разлуки. Не позволяйте вашим моментам становиться прошлым, о котором вы жалеете. Живите в них. Именно время перевернуло, всю жизнь Александра Махрова. Некие высшие силы отправили его обратно в юность, видимо для того чтобы исправить ошибки молодости, пусть и в альтернативную реальность, но в молодость. Главное не наломать новых дров.

© Мерли А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Гл	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алекс Мерли

По своим следам 7

Глава 1

Странно. Почему дверь закрыта? Я, конечно, всё понимаю: воскресенье, утро... Но ведь Коваленко знал, что мы придём. Сам же вчера шутил про «день открытых дверей для избранных». И вот я стою, как дурак, перед этой массивной, хоть и не дубовой, дверью, и мне кажется, она насмеяется над моей растерянностью.

В голову почему-то полезли строчки из старой песни на мои же стихи, из прошлой жизни:
Вот Архипыч бродит, грустный вид,

Голова шумит, душа болит.

И богатства не нужны ему —

Лишь бы рюмочку махнуть, да не одну.

Может, Иваныч опять оставил вместо себя соседа-пьянчужку? Как же его звали... Антоха? Митроха? Кажется, Коваленко называл его Ерохой. Точно, Ероха. Странное имя — а может, прозвище. В прошлый раз я даже не задумался. Да и какая, в сущности, разница? Главное, что открывать никто не торопится.

Я постучал снова, на этот раз сильнее. Глухой звук утонул в тишине утреннего города. Вспомнилось другое, из репертуара «Поющих гитар»:
Воскресенье — радостный день!

Пусть исчезнет спор наших тень!

Только вот с ними я был категорически не согласен. Ни черта радостного в этом утре не было. Начинающееся воскресенье мне совсем не улыбалось. Скоро подойдут ребята, и моё кислое настроение перейдёт к ним как бонус за ожидание.

Я постучал в третий раз, уже без прежней уверенности. Стук получился робким, почти извиняющимся, словно я и сам не верил, что мне откроют. Никто и не открыл.

В голове зароились тревожные мысли. Что, если случилось непредвиденное? Коваленко немолод, да и здоровье у него не железное. Недавно прямо на работе прихватило — камень в почке сдвинулся. Неужели опять? И ему срочно нужна помощь? Я отогнал эту мысль. Не хотелось накликать беду — с тех пор как моё сознание забросило в эту альтернативную реальность, я готов поверить во что угодно. Даже в то, что мысли могут стать явью, стоит лишь очень сильно захотеть и взглянуть на небо.

Я огляделся. Улица была пустынна. Редкие прохожие, кутаясь в шарфы, спешили по своим делам, не замечая одинокую фигуру, застывшую у закрытой двери. Ленивое февральское солнце только-только поднималось над горизонтом, бросая холодные лучи на просыпающийся город.

Внезапно в памяти всплыла песня о моём городе, написанная Володей Цеплиенковым на мои стихи. Слова сами собой сложились в голове:

Проснётся солнце на рассвете,

Затем разбудит город мой.

На храме купола осветит,

Настанет день очередной.

А Волга-матушка всё дремлет,

Туман окутал берега.

Ах, как люблю я эту землю,

Родные, милые места...

Где же теперь те места, что так грели душу?

Воспоминание нахлынуло без спроса, яркое и обжигающее. Вот я, мальчишка, сижу на старом, вытертом до блеска бревне. Отец рядом, молча красит нашу лодку. В воздухе смешались запахи краски, речной воды, тины и дымка от далекого костра. Волга дышала спокойствием и вечностью, её могучее течение уносило все детские тревоги. Каждый рассвет, пробивавшийся сквозь молочную дымку, казался обещанием чего-то нового и светлого.

Память хранила и другие образы: песчаный остров, который мы с друзьями прозвали «Необитаемым». Наши шалаши из коряг, выброшенных на берег. Картошка из костра — обугленная снаружи, но пропитанная ароматом счастья. Прибрежные камни и склонившиеся к воде ивы казались частью нас самих.

Всё это осталось там, в иной, недостижимой реальности. В мире, который был моим домом. Там же покоится и моё тело. А сознание по чьей-то неведомой прихоти перенеслось сюда.

— Так дело не пойдёт, — произнёс я вслух, и собственный голос показался чужим. — Хватит раскисать. Хватит перебирать прошлое, словно старые фотографии.

— И с кем это наш уникам беседует? — раздался за спиной голос Лёхи Тарана.

Я вздрогнул и резко обернулся. Парни с любопытством смотрели на меня. «И давно они здесь стоят?» — мелькнуло в голове. Надеюсь, я не сказал вслух ничего лишнего.

— С совестью, Лёх, с совестью— буркнул я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

— Санёк, а почему ты решил со своей совестью на улице разговаривать? — поинтересовался Хазов. — Напоминаю для особо одаренных: сейчас не май, а всего лишь февраль. — Он обвел парней взглядом, словно ища поддержки.

— А, я понял! — воскликнул он через мгновение, сдвинув шапку на затылок. — Ты закалку мозгам проводишь. Что ж, дело нужное. А мы, пожалуй, внутрь. У нас на холоде мозги тупеют, не то, что у тебя. Вот отморозим мы их, как потом репетировать будем?

— Тебе Вовчик главное желудок не отморозить, а остальное ерунда, — подколот его Лёха.

— Идите, ждите хоть до посинения, — я посторонился, пропуская их к двери.

— Не понял, что за прикол? — произнес Серёга, дергая ручку. — Санёк, ты зачем дверь запер? Открывай!

— Чем я тебе открою, пальцем? У тебя свои есть, вставляй в скважину любой, какой не жалко. Думаете, я тут просто так стою, мозги проветриваю? — я выразительно посмотрел на Хазова. Тот смущенно отвел взгляд, делая вид, что изучает сугроб. — Делать мне больше нечего, как ноги морозить. Вон Лёха в валенках, ему тепло, а мне не очень.

— Санёк, так что с дверью-то? — перебил меня Серёга, безуспешно теребя ручку. — Ты стучал?

— Нет, Серый, только погладил да ручку пару раз поцеловал. Не открылась.

Лёха, до этого молча наблюдавший за сценой, подошел и с силой рванул ручку. С тем же успехом он мог бы остановить мчащийся автомобиль — дверь не поддавалась.

— Конечно, стучал, — уже серьезно ответил я. — И ногами пинал. Результат, как видите, нулевой.

— И что теперь делать? — спросил Вовчик, прижимаясь ухом к двери. — Тихо, как в морге.

Лёха отступил, растирая окоченевшие пальцы.

— Может, зря пришли? Вдруг там никого? — неуверенно предположил он.

А я смотрел на его валенки и отчаянно завидовал. Мои ботинки, хоть и считались зимними, давно превратились в ледяные колодки, и пальцы в них онемели.

— Да как никого? — возмутился Серёга. — Мы же с Коваленко вчера на эту тему разговаривали. Сегодня его дежурство.

— Вот, что парни — произнёс я, переступая с ноги на ногу, чтобы хоть как-то разогнать кровь. — Нужно милицию звать, пусть дверь вскрывают или вызывают начальство. Вдруг с Коваленко опять беда приключилась. Не стёкла же бить, чтобы внутрь проникнуть. Потом же нас во всех грехах и обвинят. А если Иваныч того... — я замолчал, стараясь отогнать крамольную мысль, которая, похоже, пыталась проникнуть и в головы ребят.

— За углом на Грибоедова пункт ДНД. Нужно туда идти. Пусть срочно меры принимают — принял решение Серёга, обведя нас взглядом. — Кто пойдёт?

— Я могу сходить, ноги хотя бы разомну, а то они совсем заоченели.

— И давно ты здесь дверь целуешь? — спросил с ехидством Лёха.

— Минут тридцать не меньше. Точнее сказать не могу, часы впопыхах дома забыл.

В прошлой жизни я часов не носил, хватало мобильного. Зато где я его только не оставлял: и в туалете, и в ванной, и на работе. Говорят, движение — это жизнь, согласен, особенно когда ищешь в квартире свой мобильник и не находишь, а он оказывается на работе лежит себе, полёживая, и наплевать ему на то, что хозяин чуть ли не с ума сходит в поисках пропажи. А если злой рок в виде севшей батареи или беззвучного режима настиг ваш гаджет? Тогда — простая бытовая задача по его поиску обретает все черты шпионской саги со всеми вытекающими последствиями.

Я уже двинулся в нужном направлении, как голос Хазова остановил меня.

— Санёк подожди, вон девчонки идут, пускай они и сходят. Заодно отработают своё очередное опоздание.

— Привет мальчики, что вы тут мёрзните? Вас внутрь не пускают? — весело спросила Катя. Её щеки горели румянцем, а в глазах плясали озорные огоньки.

— Да нет, мы сами не заходим, воздухом здесь дышим, — сострил Лёха, выдыхая облачко пара. Он попытался рассмеяться, но смех получился каким-то сдавленным от холода.

— Давай без шуток, — попросила Марина, глубже пряча лицо в воротник своего бежевого пальто. В отличие от Кати, ей было совсем не до смеха.

Лёха обменялся взглядом с Серёгой, и его улыбка тут же угасла.

— А если без шуток, то вам нужно бежать в штаб ДНД, — ответил Серёга ровным, но полным тревоги голосом. — Нам никто не открывает. Сегодня дежурит Коваленко, мало ли что с ним могло случиться. Так что, девушки, поторопитесь.

— Но почему именно мы? — с нотками обиды уточнила Марина. — Это несправедливо, мы ведь только что подошли.

— А ваши постоянные опоздания, по-вашему, это справедливо? — с лёгким нажимом поинтересовался Серёга, скрещивая руки на груди. — Мы здесь уже минут двадцать мёрзнем. Стучали — никакой реакции. А Санёк, тот вообще около часа тут танцует. У него уже ноги замёрзли. Так что давайте, действуйте. И учтите, — добавил он, понизив голос, — от вашей скорости, возможно, зависит жизнь человека. Вдруг Коваленко стало дурно, и ему срочно нужна помощь врачей.

Марина прикрыла рот ладонью и заметно побледнела, живо вообразив эту картину.

— Катя, чего ты застыла? Побежали скорее, вдруг Юрию Ивановичу действительно нехорошо! — И, не дожидаясь подруги, она сорвалась с места в сторону штаба.

— Маринка, стой, я с тобой! — крикнула ей вслед Катя, бросаясь следом.

Отступление

— Юра, ты долго ещё в постели нежиться собрался? Вставать пора. Ты часом не забыл, что тебе сегодня на работу?

— Забудешь тут с вами — пробурчал Коваленко, поворачиваясь на другой бок.

— С кем это с нами? — грозно спросила супруга, подбоченившись. — Ты кого имеешь в виду? Опять с этой шалавой Нинкой связался? Так я её космы-то повыдёргиваю, будет знать, как на чужих мужиков зариться. Вставай кобель похотливый, жрать сегодня сам себе купишь. Это тебе в наказание. Деньги у тебя есть, ты мне с полочки двенадцать рублей не додал. Так, что крутись, как хочешь. Вечером приду тебя встречать, так, что никакого пива с друзьями.

— Рая, ты совсем охренела! — рявкнул на всю квартиру Коваленко, поворачиваясь к ней лицом. — Какая на хрен Нинка? Вечно ты меня позоришь.

— Ой, поглядите на него добрые люди, никак у нашего кобеля голос прорезался? За живое я тебя задела, да? Будь моя воля я бы тебе достоинство-то, укоротила. Что бы ты скотина такая всю оставшуюся жизнь помнил, как по бабам бегать.

Коваленко рывком вскочил с кровати, хватая супругу за грудки.

— Ну всё, молись Дездемона! — грозно выкрикнул он, замахиваясь.

— И, что ты мне сделаешь, трус несчастный, да ты и муху убить не спосо... — Договорить она не успела, увесистый кулак супруга ударил её в челюсть. Раиса отлетела в угол и затихла. Из её рта на подбородок потекла кровь.

Тишина, густая и вязкая, заполнила комнату. Коваленко стоял, тяжело дыша, и смотрел на свою руку. Кулак, только что бывший оружием, теперь казался чужим, незнакомым. Пальцы мелко дрожали. Он никогда раньше не бил её. Кричал — да, толкал — бывало, но чтобы так, по-настоящему, со всей силы...

По спине Юрия Ивановича пополз ледяной пот. Страх, липкий и тошнотворный, сковал его изнутри. Он сделал неуверенный шаг к супруге. Она так и лежала на полу у кровати — неподвижная, сломанная кукла. Её глаза, в которых ещё недавно плясали гневные искры, теперь были пустыми зеркалами, отражавшими потолок. Тёмная корочка запекшейся крови на подбородке казалась чудовищной усмешкой.

— Рая?.. — выдохнул он, но из горла вырвался лишь хриплый шёпот.

Молчание, глухое и вязкое, как трясины. Оно было страшнее её криков, её вечных упрёков. В этой тишине звучал приговор.

— Господи... я убил её, — осознание накрыло Коваленко, и он рухнул на колени рядом с телом жены.

Дрожащая рука потянулась к её восковой щеке, и тут мёртвую тишину комнаты взорвал звук. Репродуктор, хрипевший и молчавший последнюю неделю, ожил и залился беззаботной песней:

— *А, а, а! - солнце смеется!*

— *Вновь с тобой я, я рядом пойду!*

— *Пусть всегда, да, да, он остаётся,*

— *Этот день, день, день – самый лучший в году!*

Коваленко отшатнулся, будто его ударило током. Дикая, иррациональная ярость захлестнула его. Вся боль, страх и ненависть к самому себе нашли выход в одном сокрушительном ударе по источнику звука. Корпус лопнул как мыльный пузырь, внутренности репродуктора вывалились наружу. Но, даже болтаясь на проводах, изувеченный динамик продолжал сипеть издевательскую мелодию, превращая трагедию в жуткий фарс.

— *Ах, Арлекино, Арлекино!*

Нужно быть смешным для всех!

— *Арлекино, Арлекино,*

— *Есть одна награда — смех...*

— Повторите, пожалуйста, фамилию сторожа, — уже во второй раз попросил девушек пожилой капитан милиции. Плечом он прижимал к уху тяжелую телефонную трубку, а свободной рукой усердно выводил что-то в своем блокноте.

Всего пару мгновений назад капитан Романов был всецело поглощен чтением: перед ним на столе лежал «Момент истины», унося его в свой вымышленный мир, заставляя переживать события минувшей войны.

Тишину его кабинета нарушал лишь аромат крепкого индийского чая, который он время от времени пригубивал, наслаждаясь терпкой сладостью. Внезапно покой был прерван: в помещение ДНД ворвались две симпатичные, раскрасневшиеся от мороза и бега девушки. Задышавшись и перебивая друг друга, они начали рассказывать о каком-то стороже, который не открывает им дверь. С трудом вникнув в суть их сбивчивого рассказа, Романов решил позвонить в отделение, чтобы разузнать о таинственном охраннике училища ГУРЭП. Завершив разговор с дежурным, которому он кратко обрисовал положение дел, Романов медленно опу-

стил трубку. Наступила тишина, прерываемая лишь его тяжелым дыханием. Прошло несколько минут, прежде чем он стряхнул с себя оцепенение и посмотрел на девушек.

— Девушки, послушайте меня внимательно: отправляйтесь по домам, не стоит зря мерзнуть на улице. Сегодня вам никто не откроет. Приходите завтра.

— Что случилось с Юрием Ивановичем? — обеспокоенно спросила Катя. — Он жив?

— Жив, жив, не волнуйтесь. И даже чувствует себя относительно неплохо, чего, к сожалению, нельзя сказать о его жене.

— А что с ней? — не сдержалась Марина. — Она заболела?

— Можно и так выразиться, — тяжело вздохнул Романов. — Она сейчас в больнице, в очень тяжелом состоянии.

Романов отпил еще чаю, предвидя шквал вопросов.

— Скажите, вы знаете, что с ней случилось? — спросила Катя.

Романов внимательно посмотрел на нее, затем кивнул.

— Ваш сторож, Коваленко Юрий Иванович, причинил ей серьезную черепно-мозговую травму. Выживет ли она, пока неизвестно. Прогноз врачей, пятьдесят на пятьдесят. Вот такие невеселые новости, девушки.

Марина, услышав эти слова резко побледнела и прикрыла рот ладошкой. — Mamочки, — только и смогла произнести она, сползая по стене.

— Ну где их носит? — не унимался Хазов, топчась на месте. — Пешком до Камчатки быстрее!

— Так сходил бы сам, герой, — поддел его Смирнов. — Сашка вон сразу вызвался.

— И что, пошёл? — огрызнулся Хазов, уже теряя интерес к спору.

— Не пошёл, — согласился Серёга и, хитро прищурившись, посмотрел на Вовку. — А знаешь почему?

— Ежу понятно! — фыркнул тот. — Ты же вместо него девчонок отправил.

— Голова! — одобрительно хмыкнул Серёга, но Лёха прервал их перепалку:

— Заткнитесь оба. Катка летит.

Мы повернулись на его голос. Из-за угла и правда неслась запыхавшаяся Катя. Одна.

— Отлично, — процедил Хазов. — А вторую где оставила?

Катя притормозила рядом с нами, едва не улетев по инерции в сугроб.

— Мальчики, мальчики, — произнесла Катя, переводя дух. — Там, там Маринке плохо, — она кивнула в ту сторону, откуда прибежала.

— Катюш, — обратился я к ней, — где ты Марину оставила, на улице, что с ней? Она же замёрзнет. Эх ты, а ещё подруга, бросила человека в беде.

— Ничего я не бросила, — обиженно произнесла Катя. — Она там, в ДНД осталась. Ей милиционер скорую помощь вызвал. Пойдёмте скорее туда. — Катя призывно махнула рукой.

— Зачем мы туда пойдём? — удивлённо спросил Серёга. — Сейчас с Коваленко разберутся, и он нам дверь откроет, а ты иди, поддержишь Марину. Кстати, что с ней приключилось?

— От переживания сознание потеряла, — сказала Катя, и мне показалось, что она тихонько всхлипнула.

— Тогда тем более не оставляй её одну. Когда всё наладится, приходите репетировать будем. Мы и так много времени потеряли из-за Коваленко.

Катя, шмыгнув носом, кивнула и, развернувшись, побежала обратно, но тут же остановилась.

— Мальчики, — Катя неуверенным шагом подошла к нам, в её походке угадывалась какая-то недосказанность. — Ребята, я забыла вам сказать: репетиции сегодня не будет. Так, что можете не морозиться и идти домой.

— Врёшь! — воскликнул Володька. — С какой такой стати репетиции не будет? Мы, что зря тут столько времени мёрзнем?

— Да подожди ты! — воскликнул Лёха. — Дай человеку высказаться. Куда ты так торопишься? Столовка сегодня всё равно не работает. Так что не судьба червячка заморить. Будет у тебя сегодня разгрузочный день, Кефир с бубликами или молоко с батоном. Выбор богатый, решай сам, что тебе по душе.

— Катюш, — Серёга постарался, чтобы его голос звучал как можно мягче, — объясни по-человечески, что с Коваленко? Мы его вообще увидим? А если нет, то кто нам дверь отопрёт?

Катя устало покачала головой. — Спрашивайте у прокурора, ребята. Я тут ни при чём.

— Погоди, Кать, какой ещё прокурор? — Лёха шагнул к ней, пытаясь заглянуть в глаза. — Ты нас не пугай.

Она подняла на него тяжёлый взгляд.

— Его арестовали. Жenu избил до полусмерти. Она в реанимации, врачи говорят — шансов пятьдесят на пятьдесят.

— Вот так дела, — усмехнулся Хазов, сдвинув шапку на затылок. — Что ни день, то новые чудеса в нашем государстве. Не зря мне сегодня встать не хотелось. Пятой точкой чувал, что день будет тот ещё.

Таран с ухмылкой зашёл Вовке за спину.

— Володенька, — проговорил он обманчиво-ласковым голосом, бросив многозначительный взгляд ему ниже пояса. — Ты бы поберёг свою «ведунью». Не ровен час, застудишь, и кто тогда тебе будущее предскажет? У нас, в отличие от тебя, таких провидцев нет. Наш дружный хохот вспугнул голубей и кота, охотившегося на них. Кот злобно посмотрел в нашу сторону и, сказав нам что-то на своём кошачьем, направился в более спокойное место.

Да ну вас, — отмахнулся Хазов, но в глазах его читалось уважение к собственному чутью.

— Мальчики, я вам сказала всё, что знаю, теперь думайте, что с этой информацией делать. А мне пора. Маринку одну оставлять нельзя, а я тут с вами прохлаждаюсь.

Она махнула нам на прощание и, не оборачиваясь, пошла прочь. Спешить ей было больше некуда.

Проснулся с тем самым гадким ощущением, когда понимаешь: всё, приехали. Кажется, заболела. «Да чтоб его, — пронеслось в голове, — опять?» Всего неделю продержался, и вот, пожалуйста. Я ведь чувствовал вчера, как ноги превращаются в ледышки, но нет, надо было изображать из себя героя. Что стоило заскочить в любой магазин или просто в подъезд погреться?

И тут же, как назло, вспомнилась история. Двое моих знакомых как-то зимой возвращались из Москвы домой на стареньком «Запорожце». А это, на минуточку, почти четыреста километров. Пикантность ситуации была в том, что у машины отсутствовало лобовое стекло. Парни замотались шарфами по самые глаза, печка, естественно, не работала — настоящие экстремалы. Лица-то они уберегли, а вот ноги промерзли до костей. Так они в каждом городе по пути забегали в подъезды и прижимались к батареям. И что вы думаете? Ни один не заболел! Вот она, сила духа. А я? На их фоне, конечно, просто слабак.

Похоже, без помощи Григорьевой не обойтись. Зайду к ней, может, даст какую-нибудь чудо-пилюлю. Эх, где мой спасительный «Фервекс»? С возрастом я старался по врачам лишний раз не таскаться. Зачем идти в поликлинику, если больничный мне не нужен? Пустая трата времени.

На репетицию решил прийти пораньше, к половине восьмого. Вчерашний день пошел коту под хвост, так что сегодня нужно было наверстывать упущенное. Хорошо еще, Левицкий дал нам на подготовку целую неделю.

На улице морозный февральский воздух смешивался с паром от дыхания. У массивных дверей нашего училища уже собралась приличная толпа — человек тридцать, не меньше. Ученики топтались на месте, кутаясь в шарфы, и поднимая воротники. Их приглушенные разговоры сливались в единый обреченный гул.

«Опять мерзнуть...» — мысль проползла лениво и досадно, под стать всему этому утру.

И тут меня словно током ударило. Коваленко. Его же нет. А кто тогда откроет дверь? Как я мог забыть? Эта простая мысль показалась мне катастрофой. Ну и зачем я, спрашивается, припёрся так рано? Энтузиаст нашёлся. Совершенно вылетело из головы, что нашего вахтёра вчера забрала милиция, и теперь Левицкому придётся в спешке искать ему замену. Похоже, стоять нам здесь ещё долго. Я переминался с ноги на ногу, пытаюсь разогнать кровь, пытаюсь не допустить вчерашнего сценария. Толпа тем временем росла, пополняясь новыми замерзшими фигурами, и гул становился громче, в нем уже проскальзывали нотки раздражения. Кто-то из парней с наглой ухмылкой, попробовал подергать массивную ручку двери. Та, разумеется, не поддавалась, лишь глухо лязгнула металлом, и этот звук эхом прокатился по застывшей улице, подчеркивая нашу общую беспомощность.

— Слышала, за что его забрали? — донёсся до меня чей-то голос.

Я обернулся. Две девчонки с потока прибористов, укутанные в одинаковые клетчатые шарфы, оживлённо обсуждали вчерашний инцидент. Новости у нас разлетаются моментально.

— Поговаривают, он тут по вечерам самогоном приторговывал, — заговорщицки прошептала вторая. — Прямо из канистры наливал желающим.

Я не удержался и, слегка переиначив Высоцкого, с улыбкой пропел им вслед:

— *И словно мухи, тут и там, ходят слухи по домам, а красивые девчонки их разносят по умам...*

Подмигнув им, я ожидал любой реакции, но они, как по команде, залились краской и поспешили отойти в сторону. Ну и ладно. Не очень-то и хотелось заводить знакомства с прибористками. Моё внимание привлек тот самый парень, что дёргал дверь. Он не успокоился и теперь с азартом колотил по ней кулаком, словно надеясь выбить одним ударом. Рядом с ним стоял его приятель, такой же крепыш, и подбадривал его смешками.

— Да брось ты, Витёк ерундой страдать, — сказал я, не выдержав. — Только руку отобьёшь.

Витёк резко обернулся, смерив меня недружелюбным взглядом.

— А ты у нас самый умный, что ли? Может, у тебя ключ есть?

— Ключ у Левицкого, — спокойно ответил я. — А он сейчас, поди, только завтракает.

И уж точно не торопится.

Мои слова, кажется, только подлили масла в огонь. Толпа, до этого просто недовольно гудевшая, теперь начала активно обсуждать руководство. Раздражение, копившееся на морозе, нашло, наконец, свой выход. Кто-то даже крикнул: — А давайте окно выбьем! — Идея была дурацкая, но несколько человек одобрительно загудели. Ситуация начинала выходить из-под контроля. Я представил, как Левицкий, явившись, наконец, обнаруживает разбитое окно и разъярённую толпу. Наказание последовало бы неминуемо, и пострадали бы все без разбора. Нужно было что-то делать.

— Эй, народ! — крикнул я, стараясь перекрыть общий гвалт, — можно попробовать через окно котельной пролезть. — Решётка там, на одном болте держится, я сам видел. Если её снять, самый худой пролезет и откроет изнутри.

Взгляды учащихся переместились с меня на окно, а затем начали скользить по толпе в поисках подходящей кандидатуры. И тут, к моему ужасу, десятки пар глаз остановился на мне. Я, конечно, не был атлетом, но и дистрофиком себя не считал. Однако по сравнению с Витьком и его друзьями я действительно выглядел самым подходящим кандидатом для этой авантюры.

Витёк хлопнул меня по плечу так, что я едва устоял, и с ехидной ухмылкой произнёс:

— Сам предложил, умник, вот сам и полезешь.

Отступить было уже поздно. Я обречённо кивнул, проклиная в душе собственную инициативность. Вся наша компания, предвкушая утреннее зрелище, двинулась следом за мной к котельной.

К решётке без лишних слов подошли двое самых крепких парней, включая Витьку. Она действительно поддавалась почти сразу. После одного рывка старый, проржавевший болт с жалобным скрипом выскочил из кирпичной кладки, освобождая путь. Я шагнул к тёмному проёму. Оттуда пахло подвальной классикой: сыростью, угольной пылью и чем-то неуловимо затхлым. С тяжёлым вздохом я стянул куртку с шапкой и протянул их одной из девочек-прибористок. Робкое восхищение в её взгляде вызвало во мне прилив дурацкой, но приятной храбрости. Да и мороз на улице недвусмысленно торопил.

Опершись о грязный подоконник, я полез внутрь, просовывая сначала одну ногу, потом другую. Джемпер то и дело цеплялся за острые края кирпичей, мешая движению. Наконец, мои ноги нащупали какую-то трубу. Потеряв равновесие, я неуклюже спрыгнул вниз, прямо в кучу угольной крошки.

Котельная встретила меня гулким эхом. Полумрак едва разгонял свет из окна, через которое я только что проник. В нос ударил въевшийся запах машинного масла. Два огромных котла, похожие на спящих железных чудовищ, занимали половину помещения. Эту котельную забросили не так давно, после того как училище подключили к центральному отоплению. Одинокая тусклая лампочка в проволочной сетке под потолком выхватывала из темноты лабиринты труб, вентиляей и пыльных стеллажей.

Высшие силы сжалились надо мной: путь был свободен. Задерживаться здесь мне не хотелось на минуту. Я с трудом отворил массивную дверь, окованную стальными листами, и шагнул в коридор, где каждый звук отдавался многократным эхом. Никогда раньше не забредал в эту часть подвала — просто не было нужды. После суеты внешнего мира здешнее безмолвие казалось оглушительным и почти осязаемым.

Поднявшись по ступеням на первый этаж, я первым делом направился к той самой злополучной двери, что стала источником наших проблем. Вернее не сама дверь, а Коваленко,

который должен был её отпереть. Замок щелкнул, и я поспешно отступил в сторону, давая дорогу потоку продрогшей молодежи. Процессию замыкали две девушки, которым я одолжил свою куртку. Мой собственный вид был плачевным: одежда перепачкана угольной пылью, а руки и лицо напоминали о шахтере, только что покинувшем забой. И что теперь? Мчаться домой? Нелепая мысль, я лишь перепачкаю чистую одежду.

В глазах девушек я, похоже, выглядел настоящим героем из сказки.

— Меня зовут Лена, — улыбулась одна из девушек, протягивая мне куртку. — А это Дана. Мы знаем, что ты Александр Махров, из музыкальной группы.

Я молча кивнул, но куртку брать не стал, демонстративно показав испачканные в саже ладони.

— Лен, помоги, а? — попросил я. — Сдай куртку в гардероб. Сама же видишь, я весь грязный, всё вокруг перепачкаю.

— Конечно! — охотно ответила она и быстрым шагом направилась к лестнице. Дана, осталась стоять рядом со мной — тихая и немного растерянная. Наше неловкое молчание прервал приход Левицкого. Он вошел в вестибюль с покрасневшимся от холода лицом и тут же впился в меня суровым взглядом.

— Махров! Ты на себя в зеркало смотрел? Как будто всю ночь вагоны с углём разгружал. Не мог умыться и переодеться? Твой внешний вид не соответствует санитарным нормам учебного учреждения. Немедленно приведи себя в порядок, чтобы избежать загрязнения помещений. В противном случае претензии со стороны преподавательского состава и учащихся будут адресованы мне. Надеюсь на твоё понимание. Зятёк хренов — чуть тише произнёс Левицкий — направляясь в сторону лестницы.

На лице Даны отразилось искреннее недоумение, но я лишь пожал плечами, словно говоря: "Твоя воля — верить сказанному или нет. Мне было всё равно. Слухом больше, слухом меньше, какая разница. Наверняка сегодня появятся разговоры о нашей субботней беседе с Куртуа приправленные с помощью Вольты пикантными подробностями.

— Фёдор Фёдорович, подождите! — неожиданно произнесла она. — Саша не виноват! Он спас нас, поступил как настоящий герой!

Левицкий окинул ее холодным, оценивающим взглядом.

— Герой, говоришь? — хмыкнул он. — И какой же подвиг на счету вашего спасителя? Поведай, я весь во внимании.

Дана набрала в грудь воздуха, словно перед прыжком в ледяную прорубь. Ее щеки вспыхнули — то ли от смущения, то ли от праведного гнева. Но я ее опередил.

— Фёдор Фёдорович, поймите, если бы я или кто другой в окно котельной не залез, мы бы все так и стояли перед запертой дверью. И вы бы тоже внутрь не попали.

— Это как — запертой?! — изумился Левицкий. — А Коваленко где? Что-то я его не наблюдаю.

— И не увидите, — ответил я, понизив голос и шагнув к нему ближе. — Он в милиции.

— В милиции? — почти шепотом переспросил Левицкий, оглядываясь. — Откуда тебе это известно?

— Информация из первых рук, Фёдор Фёдорович.

— Надо же, из первых рук! — с едкой иронией протянул он. — Так почему же у меня, Махров, таких сведений нет? Не просветишь?

— Не переживайте, Фёдор Фёдорович, звонок из милиции или из прокуратуры не за горами.

— Ладно, всезнайка, иди, умойся, потом подойдешь к Егорычу, скажешь, что я прислал, пусть он тебе какую-нибудь одежонку найдёт, потом вернёшь. Твоя только на выброс, даже на ветошь не годится. Надо же было так измазаться.

Словно приняв нелёгкое решение, Левицкий развернулся и начал подниматься по лестнице.

После того как вернулась Лена я поблагодарил девушек за помощь и направился в подвал ожидать прихода завхоза.

Ждать его — гиблое дело, раньше полдевятого Егорыч и носа не покажет. А Левицкий на его вечные опоздания просто махнул рукой. Но другого выхода из сложившейся ситуации я не видел. Разве, что Катю с Мариной ко мне домой за одеждой отправить, а самому в трусах сидеть в нашей комнатке ожидая прихода спасительниц. А что! Вариант вполне себе рабочий. В трусах, я конечно девчонок ждать не буду. Вдруг Макарская придёт или Верочка заглянет с очередной просьбой Левицкого срочно зайти к нему. А я в неглиже сижу, народ не поймёт. Замою как смогу следы грязи, точнее сказать размажу по поверхности тонким слоем. Решено, так и поступлю. Одежду конечно жалко у меня её и так немного. Новую покупать, финансов жалко. Об этом надо было раньше думать, а не проявлять излишний героизм. Почему я так поступил? Не скажет, наверное, никто. Как будто под чей-то гипноз попал. Спустившись в подвал, я первым делом снял джемпер и бросил его под дверь завхоза. Так, теперь умыться, а дальше всё по намеченному плану.

Вторая глава книги выйдет 17 апреля после публикации последней главы предыдущей, шестой, книги.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.